

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РЕГИОНОВ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПРАКТИК РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ (2017–2023)

Д.В. Покатов

(dvpokatov@gmail.com)

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Цитирование: Покатов Д.В. Политическая элита регионов переходного типа: особенности эволюции практик рекрутирования и карьерных траекторий (2017-2023 гг.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 139–155.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.5>
EDN WKPFDH

Аннотация. *Рассматривается достаточно сложный и многогранный процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа. Отмечается, что изучение источников, специфики рекрутирования и карьерных траекторий представителей политической элиты, без сомнения, позволят лучше понять и особенности социально-экономической и политической организации региона и базовых трендов его развития. Автор останавливается на рассмотрении особенностей процесса рекрутирования и эволюции карьерных стратегий политических деятелей трех достаточно близких по своему развитию переходных регионов — Саратовской и Волгоградской областей, а также Республики Дагестан. Отмечается, что процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа проходит в условиях продолжающегося воздействия ряда как объективно-исторических условий (специфики мобилизационного типа развития российского общества с характерным для него доминирующим влиянием политических институтов и слабостью гражданских структур, особенностями развития регионов переходного типа), так и субъективно-личностных (в том числе особенностей социализации, социального происхождения, образования, и, в целом, профессионально-личностного потенциала). Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о том, что все больше в регионах данного типа закреплялся не тип элиты трансформации, а консолидационный тип, с элементами тяготения к корпоративно-персоналистическому (как в Саратовской области), достаточно*

зависимому по своему положению от знаковых региональных фигур, которые добились заметного успеха на федеральном уровне и заняли там одно из ведущих позиций. Проведенное исследование также позволяет говорить, что в рассматриваемых регионах переходного типа происходит закрепление особых моделей карьерных траекторий, во многом связанных со статусными позициями в системе власти, но при этом не выражающихся в более или менее четко закрепившемся продвижении внутри определенных политико-правовых институтов либо общественно-политических организаций и партий, что свойственно более линейно-традиционному типу карьеры представителя элиты. В этой связи более выраженным, особенно в последние годы (2020-2023 гг.) оказывался «лиминальный» (переходный) тип, претворяющийся в значительных, как правило, скачкообразных и перманентных перемещениях, лишенных постепенности, что не приводило к стабильности самой элитной группы и реализуемой ею управленческой модели.

Ключевые слова: элита, политическая элита, регион переходного типа, рекрутирование, модель рекрутирования.

Элитная тематика по-прежнему привлекает внимание исследователей различных школ и направлений социально-гуманитарного знания, что не случайно, учитывая занимаемые ею лидирующие позиции в структуре общества и ведущих сфер общественной жизни. Среди достаточно важных проблем, несмотря на представленность в научной как западной [Миллс 1959; Blackwell 1972; Endruweit 1986; Farmer 1992; Burton, Higley 2001; Merridale 2014 и др.], так и отечественной [Ашин 1998; Гаман-Голутвина 2006; Дука 2021; Крыштановская 2005; Быстрова, Даугавет, Дука, Колесник, Невский, Тев 2021; Сельцер 2017; Чирикова, Ледаев 2017] литературе, остается выявление особенностей процесса рекрутирования, от которого напрямую зависит качественное и эффективное функционирование институтов власти. Изучение источников, специфики рекрутирования и карьерных траекторий представителей политической элиты, без сомнения, позволят лучше понять и особенности социально-экономической и политической организации региона и базовых трендов его развития. В рамках настоящего исследования автор, понимая под регионом определенную социально-территориальную, а также народно-хозяйственную общность, которая имеет особую социальную и производственную инфраструктуру, институты власти и управления, ориентирующиеся в своей деятельности на решение стоящих перед данным образованием задач, останавливается на рассмотрении особенностей процесса рекрутирования и эволюции карьер-

ных стратегий политических деятелей трех достаточно близких по своему развитию переходных регионов — Саратовской и Волгоградской областей, а также Республики Дагестан. Как показывают имеющиеся исследования и источники, Саратовская область является сегодня аграрно-индустриальным регионом, выступающим одним из перспективных в нефтегазоносном отношении и обладающим как отдельными стабильно развивающимися отраслями промышленности (машиностроение, энергетика, химическая промышленность), так и сельским хозяйством [Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года]. Волгоградскую область, с характерными для нее процессами деиндустриализации, ряд исследователей относит к слабо индустриальному региону [Монина, Мещерякова, Шаркевич 2018: 41], а Республика Дагестан является сегодня, по мнению изучавших данный вопрос ученых, аграрно-индустриальным регионом с аграрно-полисервисным типом экономического развития [Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан... 2021: 18–19].

Рассматривая процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа, отметим, что он проходит в условиях продолжающегося воздействия ряда как объективно-исторических условий (специфики мобилизационного типа развития российского общества с характерным для него доминирующим влиянием политических институтов и слабостью гражданских структур, особенностями развития регионов переходного типа), так и субъективно-личностных (в том числе особенностей социализации, социального происхождения, образования, и, в целом, профессионально-личностного потенциала). Для рассмотрения базовых особенностей процесса рекрутирования и ведущих тенденций и форм трансформации карьерных траекторий членов региональной элиты проведен анализ биографий 271 представителя элиты (в том числе в Саратовской области — 73, в Волгоградской — 72 и в Республике Дагестан — 126) за период с 2017 по 2023 г., включая руководителей исполнительной и законодательной власти регионов, депутатов законодательных собраний, лидеров политических партий и общественно-политических организаций. При анализе биографий учитывались базовые каналы рекрутирования, в том числе работа в структурах власти и управления, финансовых организациях и бизнес-структурах, партиях и общественных организациях и механизмы рекрутирования, повлиявшие на карьерные траектории: стаж работы, партийная принадлежность и т.д.

Значительное влияние мобилизационного типа развития российского общества приводило к большему доминированию статусных, чем креативно-личностных черт, что, без сомнения, отразилось в практиках элитного рекрутирования. Это во многом предопределял и традиционный тип регионального развития, с характерным для него сохранением традиционного уклада общественной жизни, ярко проявлявшегося, в том числе, в процессах социализации. О влиянии принадлежности того или иного пространства, общности или слоя очень точно говорил один из основателей теории элиты В. Парето, отмечавший, что тот или иной индивид, переходящий из одной группы или общности в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит, и с этим обстоятельством следует считаться [Парето 2008: 310–311]. Проведенный анализ биографий показал, что по-прежнему в рассматриваемых регионах очень высок показатель лиц, социализация которых проходила в условиях сельской местности, что, конечно, не могло не отразиться на ценностных, профессиональных и кадровых предпочтениях элитных деятелей, их стремлениях больше действовать по уже сложившимся принципам и нормам чиновничества, больше продвигать выходцев из своей среды. Так, в Саратовской области в элите к 2023 г. было 30,76 % выходцев из села, в Волгоградской — 19,4 %, и самый большой показатель проявлялся в Республике Дагестан (что не случайно, если учитывать аграрно-традиционалистский путь его развития) — 53,9 % [Покатов 2017; Покатов 2021]. Данные показатели увеличились во всех регионах: Саратовской области (29,5 %, 2017) Волгоградской области (14,8 %, 2017), и Республике Дагестан (45,2 %, 2021)¹.

В этой связи можно говорить о том, что все больше в регионах данного типа закреплялась не модель трансформации элиты, а особая консолидационная форма, с элементами тяготения к корпоративно-персоналистической (как в Саратовской области), которая достаточно

---

¹ Здесь и далее подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий, приведенных на сайтах: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Саратовская областная Дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Волгоградская областная Дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 15.09.2023); Волгоградская область. URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 15.09.2023); Правительство Республики Дагестан. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Народное Собрание Республики Дагестан. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

ярко проявляла себя по своему зависимому положению от знаковых региональных фигур, которые добились заметного успеха на федеральном уровне и заняли там одно из ведущих позиций.

Говоря о моделях рекрутирования, следует отметить, что постепенно утвердившиеся их разновидности в целом сильно отличались от западных аналогов. Так, по признанию ряда западных исследователей, для них в большинстве был характерен естественный характер. Процесс рекрутирования элитных деятелей включал все необходимые ступени подъема представителя элиты на верхние ступени политической иерархии, начиная от ранней социализации и закрепления политических ценностей, норм и ролей до так называемого этапа селекции (высшими показателями которого становятся получение квалификации и профессиональные опыт и ориентации). Как правило, распространенная на Западе модель рекрутирования включала такие разновидности, как бюрократическую, начинающуюся с занятия скромного административного поста и в середине карьерного пути изменяющую свой вектор на политический, и общественно-политическую, в рамках которой карьерный путь представителя политической элиты осуществлялся преимущественно в культурной, научной, правовой, педагогической сферах и сочетался с активной деятельностью в различных общественных организациях.

Некоторые западные ученые, в частности М. Хартман, описывали несколько моделей рекрутирования, используя такие критерии, как степень мобильности между секторами элиты и особенности институциональной и социальной форм рекрутирования. Для первой модели, французской, по мнению М. Хартмана, характерно концентрированность рекрутирования на основе получения образования в определенном учебном заведении и высокой степени интенсивности переходов между элитными сегментами. Вторая, британская, отличается достаточно гомогенным социальным и институциональным рекрутированием, но при этом низким уровнем межэлитных переходов. Третья модель, германская, присуща большинству европейских стран, характеризуется достаточно высоким уровнем дифференциации в социальной и институциональной базе рекрутирования при достаточно низкой степени межэлитной мобильности [Шентякова 2015: 49]. Мы исходим из того, что элитное рекрутирование представляет собой сложное и комплексное явление, предполагающее учет того, каким образом кандидаты в элиту вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие посты, а так-

же учитывающее взаимосвязь самой системы отбора кандидатов, ее принципов и механизмов и детерминируемых ими карьерных траекторий политиков. При определении моделей и этапов элитного рекрутирования, на наш взгляд, следует учитывать исторические вехи в развитии региона, в частности смену лидера, детерминирующую изменение стратегии регионального развития, векторов кадровой политики и состава элитных групп, прежде всего административной элиты. В этой связи можно говорить, что в настоящее время элиты трех переходных регионов вступают в стадию, для которой характерна гибридно-патронажная модель (для Саратовской области этот период начинается с 2012 г., с периода вступления в должность губернатора В.В. Радаева). Эта модель противостоит переходному периоду (с конца 1991 по 2005 г.), включающему два подэтапа — «квазисвободной конвергенции» (1991–1996) и мутационный (1996–2005), и периоду управляемой рекрутации (2005–2012).

Первый этап процесса рекрутирования элиты регионов переходного типа, по сути, знаменует собой становление новой элитной генерации. В его рамках наблюдается причудливый симбиоз старых и новых принципов элитообразования, которые на первых порах лишь немного модифицируют облик элитных групп. В базовых принципах элитообразования происходит отказ от наиболее устаревших механизмов, индикаторов. В целом все внешние изменения не привели к глубинным трансформациям в рекрутировании политической элиты провинции. По-прежнему ведущими социальными прослойками в составе элиты оставались представители старой партийной номенклатуры (15,5 %) и хозяйственники (62,5 %), включающие в себя применительно к региону Среднего Поволжья руководство предприятий военно-промышленного и агропромышленного комплексов, менеджеров фирм и ведущих представителей банковско-финансового капитала [Покатов 2017].

Второй период — управляемой рекрутации — привел к трансформации в составе и практиках рекрутирования элиты, что позволяет говорить о постепенном формировании феномена трансформации элиты. Средний возраст элиты на тот период составлял 48 лет. По социальному происхождению в составе элиты доминирующей прослойкой являлись хозяйственники, численность которых сократилась до 49 %, сохранялось, но сократилось представительство в элите прослойки партийно-номенклатурных политиков (9,4 %). По сравнению с первым периодом значительно упала (до 6–7 %) численность интеллигенции

[Покатов 2017: 91–99]. Среди особенностей следует сказать о двух наиболее ярко проявивших себя в данный период. Прежде всего, достигает максимума характерная и для всей страны тенденция роста числа представителей корпоративных кругов. Кроме того, наиболее рельефно проявляет себя видимое омоложение состава элиты, связанное с приходом сравнительно молодых политических деятелей.

Современный этап процесса рекрутирования, связанный с утверждением гибридно-патронажной модели, проявляющейся в закреплении особой консолидационной формы рекрутирования элит с элементами тяготения к корпоративно-персоналистической (как в Саратовской области), отличается рядом особенностей. В плане социально-профессиональном в составе элитных групп по-прежнему доминирующими остаются представители так называемой когорты хозяйственников (руководители предприятий АПК и бывшего ВПК, банковско-финансовой сферы, менеджеры фирм и предприятий различного профиля), а также корпоративных кругов (выходцы из армейской среды, правоохранительных органов и органов безопасности). Проведенный анализ показывает, однако, что происходит некоторое сокращение численности данной группы. Так, в составе политической элиты Саратовской области их насчитывается сегодня 35,38 % (в 2017 — 42,6 %), в Волгоградской области — 38,8 % (в 2017 — 51,8%), в Республике Дагестан — 49,2 % (в 2021 — 45,2 %). Практически незначительно повысилось представительство корпоративных кругов в составе элиты всех трех рассматриваемых регионов. В частности, в элите Саратовской области только 6,15% можно отнести к данной категории (в 2017 — 5,7 %), в Волгоградской области — 13,8 % (в 2017 — 10,18%) в Республике Дагестан — 12,69 % (в 2021 — 10,3 %). Время, когда данная категория лиц обладала имиджевыми преимуществами (большей информированностью, стремлением преподнести обществу свои проекты общественного устройства, с которыми связывало надежды население, особенно регионального уровня) проходит.

По сравнению с прошлыми периодами резко сокращается представительство когорты бывшей партийно-советской номенклатуры. При этом в Саратовской области к данной категории сегодня можно отнести только 1,53 % (2017 — 4 %). В Волгоградской — 1,38 % (2017 — 1%). В Республике Дагестан сегодня насчитывается только 3,79 % бывших работников партийных структур (2021 — 4,1 %). Резкое снижение категории данных деятелей вполне объяснимо, если учитывать действие

поколенческих и возрастных трендов, когда происходит естественное уменьшение данной категории представителей элиты.

На фоне сокращения некоторых вполне привычных когорт элиты особенностью последнего времени стал постепенный процесс возвращения в элиту представителей интеллектуальных кругов. К 2023 г. в составе политической элиты Саратовской области к данной прослойке относится 38,45 % (2017 — 26,2 %). В Республике Дагестан на сегодня к прослойке интеллигенции в элите можно отнести 29,3 % (2021 — 22,6 %) Только в Волгоградской области обнаружилось некоторое сокращение — сегодня к данному слою относится 19,4 % (2017 — 23,8 %). Состав данной категории лиц весьма многопланов. При этом в когорте интеллектуалов, необходимых власти, очень часто оказываются люди, не всегда обладающие разносторонними знаниями, но имеющие возможности преподнести необходимые представителям правящей элиты идеи. Очень точную характеристику дал этому слою известный западный ученый Ф. Хайек. Он справедливо отмечал, что термин «интеллектуалы» не описывает истинную картину класса, о котором идет речь. Это, как правило, не оригинальный мыслитель, ученый, эксперт в определенной дисциплине. Типичному интеллектуалу это не нужно, чтобы выполнять свою роль посредника в распространении идей. Его квалификация сводится к умению легко говорить и писать по широкому кругу тем [Хайек 2012: 231–233]. Поскольку рядовой современник мало что знает о событиях и идеях, то роль посредников-интеллектуалов резко возрастает. Представителям правящей элиты интеллектуалы нужны, как правило, для пропаганды идей, выполнения посреднических функций и представления некоторых рекомендаций, которые могут быть использованы для решения некоторых, как отмечает ученый, мелких вопросов. При этом нести ответственность за решения каких-либо важных практических вопросов представители данных слоев стараются уклоняться [Хайек 2012: 235]. Отсутствие непосредственного знания практики (по верному замечанию Ф. Хайека) и привело, к тому, что в 1990-е годы данная категория достаточно быстро стала сокращаться в элитных кругах.

В целом увеличение и существенное расширение вновь востребованной прослойки интеллектуалов не смогло полностью преодолеть процесс доминирования в элите слоев так называемых аутсайдеров, лиц, не имеющих специализированного образования, чей политический опыт больше сводится к административному. В современной элите по-

прежнему доминируют слои с технократическим образованием и мышлением. В Саратовской элите сегодня 43 % лиц, получивших техническое образование, 18 % — гуманитарное, 15,38 % — экономическое, и 9,23 % — юридическое. В Волгоградской области — соответственно — 54,1, 12,5, 33,3, 13,8 %. В Республике Дагестан — 39,6, 15,07, 28,5 и 32,5 %. В 2017 г. в Саратовской области насчитывалось 49 % политиков, получивших техническое образование, 16,3 % — гуманитарное, 17,2 % — экономическое, 9 % — юридическое. В Волгоградской — соответственно 60, 11, 15,7, 13,8 %. [Покатов 2017: 91–99]. В Республике Дагестан — 40,4, 19,4, 23,8 и 26,9 % [Покатов 2021]. Относительно стажа работы во властных структурах проведенный анализ показывает существенное увеличение прослойки элитных деятелей, чей стаж работы составлял только от одного-двух до пяти лет. При этом в Саратовской области число таких политиков составляло в 2023 г. 18,4 % (2017 — 16,3 %), в Волгоградской области — 16,6 % (2017 — 12,9 %) в Республике Дагестан — 26,9 % (2017 — 24,6 %). Выраженная тенденция преобладания представителей хозяйственных кругов с преимущественно техническим образованием и относительно малым стажем работы в политико-административной сфере позволяет говорить о том, что процессы профессионализации внутри элит данных регионов ещё относительно слабы. В этой связи можно согласиться с замечанием известного отечественного социолога-публициста А.А. Зиновьева, отмечавшего, что тенденция к превращению системы власти в профессиональную была очень сильной, но все же процесс профессионализация власти не был доведен до необходимого уровня, вследствие чего во властные институты попадали и многие случайные люди [Зиновьев 2004: 489].

В целом доминирование прослойки хозяйственников приводило к закреплению не только определенных типов образования, но и карьерных траекторий и практик выдвижения в элиту. Отмеченные выше факторы детерминировали закрепление в регионе переходного типа особого типа карьерных траекторий, во многом связанных со статусными позициями в системе власти, но при этом не выражающихся в более или менее четко закрепившемся продвижении внутри определенных политико-правовых институтов либо общественно-политических организаций и партий, что свойственно линейно-традиционному типу карьеры представителя элиты. Как правило, в данном случае сохранялась преемственность в развитии элиты, поскольку определяющим здесь

было влияние таких показателей, как административно-политический опыт, стаж работы, этапы карьерного пути, что напрямую связано с влиянием политических институтов, в рамках которых концентрировалась прежде всего правящая элита. Данная форма в своем интегрированном виде претворилась в той части политической элиты, которая напрямую связана с исполнительной властью. Но и здесь стали наблюдаться изменения (по сравнению с прежней советской номенклатурной системой). Так, не учитывались все передвижения по всем ступеням так называемой административно-политической лестницы. Проведенный анализ биографий показывает, что для элиты Саратовской области данный тип был характерен для 13,7 % политиков (однако для элиты, представляющей исполнительную власть — 36 %). В Волгоградской области он проявлялся у 8,3 % элиты, в Республике Дагестан — у 3,17 %. Несмотря на относительно малую представленность, здесь можно выделить и весьма типичные карьерные пути, как у депутата Волгоградской областной Думы А.В. Рыгина, прошедшего карьерный путь от члена ВРО партии «Единая Россия», председателя молодежного парламента (2014–2015) до заместителя секретаря Центрального местного отделения ВРО партии «Единая Россия» и депутата Волгоградской городской, а затем и областной думы.

Более выраженным, особенно в последние годы (2020–2023) оказывался так называемый лиминальный (переходный) тип, претворяющийся в значительных, как правило скачкообразных и перманентных, перемещениях, лишенных постепенности, что не приводило к стабильности самой элитной группы и реализуемой ею управленческой модели. При этом достаточно распространенным был переход из руководящих структур предприятий и организаций различного профиля в административную элиту. Это проявилось во всех трех регионах — в Саратовской области (у 40 % элитных деятелей), в Волгоградской (30 %), в Республике Дагестан (21,4 %). Также достаточно распространенным был и карьерный путь из руководства предприятий и организаций различного уровня, затем избрание депутатом местного и областного уровней. В Саратовской области это проявилось у 10 % представителей элиты, в Волгоградской области — у 18,5 %, в Республике Дагестан — у 22,2 %. Так же как и в предыдущем традиционном типе, в лиминальном были и определенные исключения, характеризовавшиеся быстрыми, скачкообразными сменами, в основном вертикальной направленности. Так, председатель Государственной Думы VII и VIII созывов В.В. Володин

прошел целый ряд карьерных ступеней. С 1986 по 1990 г. он находился на преподавательской работе, затем был избран депутатом Саратовского городского совета, затем, в 1992 г. стал заместителем главы администрации г. Саратова, а в 1994 г. — депутатом и заместителем председателя Саратовской областной Думы. Затем вновь вернулся в сферу науки, став проректором в Поволжском кадровом центре (до 1996 г., когда стал вице-губернатором Саратовской области). С 1999 г. политик возвращается на федеральный уровень, где последовательно прошел путь от депутата Государственной Думы РФ до заместителя руководителя Администрации Президента РФ и затем депутата и председателя Государственной Думы VII, а затем и VIII созывов. Достаточно многогранна и карьера председателя Волгоградской областной Думы Александра Ивановича Блошкина. Трудовую деятельность он начал агрономом, затем главным агрономом совхоза «Родина» Киквидзенского района Волгоградской области, впоследствии был секретарем партбюро колхоза «путь Ленина». Работал директором ПО «Агрохимия», был генеральным директором ООО «Нива». С 2005 г. являлся главой Киквидзенского муниципального района Волгоградской области, с 2014 по 2019 г. был министром по делам территориальных образований и информационной политики Волгоградской области, заместителем губернатора Волгоградской области, а с 2019 г избран депутатом и председателем Волгоградской областной Думы.

В целом проведенный анализ позволяет говорить, что постепенно закрепившаяся в регионах модель традиционного типа рекрутирования, связанная с утверждением особой консолидационной формы с элементами корпоративно-персоналистической отражает синтетический путь развития не только российских регионов, но и в целом российского общества, в котором причудливо объединяются тенденции, характерные как для традиционного, так и для индустриального и (некоторых моментах) постиндустриального путей развития. Изменить создавшееся положение может только существенная трансформация многих сфер общественной жизни, формирование и закрепление структур гражданского общества.

Литература

- Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 85–96.
- Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 2. С. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>. EDN NATXQO.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с. EDN QOFXIN/
- Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI.
- Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Изд. Дом «Нева», 2004. 608 с.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров-М, 2005. 384 с.
- Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Издательство политической литературы, 1959. 543 с.
- Монина Е.С., Мещерякова Я.В., Шаркевич И.В. Эволюционно-структурный анализ межотраслевых пропорций в экономике Астраханской и Волгоградской областей за 1998–2016 гг. // *Вестник АГТУ. Сер.: Экономика*. 2018. № 2. С. 37–44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. EDN URBDNE.
- Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
- Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М.: ИПЦ «Маска», 2017. 164 с.
- Покатов Д.В. Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>. EDN DQOFTW.
- Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // *Pro nunc*. 2017. № 2. С. 27–32. EDN LHKKNJ.
- Хайек Ф. Капитализм и истории. Челябинск: Социум, 2012. 398 с.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: ГУ ВШЭ, 2017. 416 с.
- Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // *Вестник СПбГУ. Сер. 6*. 2015. Вып. 3. С. 46–56. EDN UXWWYD.
- Blackwell R. The Soviet Political Elite. Alternative Recruitment Policies at the Obkom Level: An Empirical Analysis // *Comparative Politics*. 1973. Vol. 6, no. 1. P. 99–121. <https://doi.org/10.2307/421347>.
- Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11, no. 2. P. 181–199. <https://doi.org/10.1080/713674040>.

Endruweit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986. iv+502 S.

Farmer K. The Soviet Administrative Elite. New York: Praeger Publishers, 1992. xii+296 p.

Merridale C. Der Kreml: Eine neue Geschichte Russlands. Frankfurt am Main: Fischer, 2014. 624 S.

Источники

Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года. URL: <http://www.saratov.regnews.org/doc/iq/7k.htm>. (дата обращения: 22.09.2023).

Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года (проект). Махачкала, 2021 306 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/af10c959c4761ec248351c99c7fa3b6f/proekt_strategi.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

POLITICAL ELITE OF TRANSITIONAL REGIONS: FEATURES OF THE EVOLUTION OF RECRUITMENT PRACTICES AND CAREER TRAJECTORIES (2017–2023)

D.V. Pokatov

(dvpokatov@gmail.com).

The Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky.
Saratov, Russia

Citation: Pokatov D. V. Politicheskaya elita regionov perekhodnogo tipa: osobennosti rosta, praktiki rekrutirovaniya i kar'yernykh trayektoriy (2017-2023 gg.) [Political elite of transitional regions: features of the evolution of recruitment practices and career trajectories (2017-2023)] // *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 139–155. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.5>
EDN WKPFDH

Abstract. *The article is devoted to the consideration of a rather complex and multifaceted process of recruiting the political elite of transition regions. It is noted that studying the sources, specifics of recruitment and career trajectories of representatives of the political elite will, without a doubt, make it possible to better understand the features of the socio-economic and political organization of the region and the basic trends of its development. In the framework of this study, the author, understanding a region as a certain socio-territorial, as well as national economic community, which has a special social and production infrastructure, institutions of power and management, focusing their activities on solving the problems facing this entity, dwells on the consideration of the features the process of recruitment and evolution of career strategies of political figures from 3 transitional regions that are quite close in their development — the Saratov and Volgograd regions, as well as the Republic of Dagestan. To consider the basic features of the recruitment process and the leading trends and forms of transformation of career trajectories of members of the regional elite, an analysis of the biographies of 271 representatives of the elite was carried out (including in the Saratov region — 73, in the Volgograd region — 72 and in the Republic of Dagestan — 126) for the period from 2017 until 2023, including heads of executive and legislative authorities of the regions, deputies of legislative assemblies, leaders of political parties and socio-political organizations. Considering the process of recruiting the political elite of transition-type regions, the author notes that it takes*

place under the continuing influence of a number of objective-historical conditions (specifics of the mobilization type of development of Russian society with its characteristic dominant influence of political institutions and the weakness of civil structures, features of the development of transition-type regions), and subjective and personal (including characteristics of socialization, social origin, education, and, in general, professional and personal potential). The significant influence of the mobilization type led to a greater dominance of status than creative-personal traits, which, without a doubt, was reflected in the practices of elite recruitment. This was largely predetermined by the traditional type of regional development, with its characteristic preservation of the traditional way of social life, which was clearly manifested, among other things, in the processes of socialization. The analysis allowed the author to conclude that increasingly in regions of this type it was not the type of transformation elite that was being consolidated, but the consolidation type, with elements of a tendency towards the corporate-personalistic (as in the Saratov region), quite dependent in its position on iconic regional figures, who achieved notable success at the federal level and took one of the leading positions there. The study also allows us to say that in the transitional regions under consideration, special models of career trajectories are being consolidated, largely related to status positions in the system of power, but not expressed in more or less clearly established promotion within certain political and legal institutions, or social-political organizations and parties, which is characteristic of a more linear-traditional type of career for a representative of the elite. In this regard, the so-called liminal (transitional) type, resulting in significant, usually spasmodic and permanent movements, devoid of gradualism, which did not lead to the stability of the elite group itself and the management model it implements.

Keywords: elite, political elite, region in transition, recruitment, recruitment model.

References

- Ashin G.K. Formy rekrutirovaniya politicheskikh elit [Forms of recruitment of political elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1998, 3, pp. 85–96. (In Russian)
- Blackwell R. The Soviet Political Elite. Alternative Recruitment Policies at the Obkom Level: An Empirical Analysis. *Comparative Politics*, 1973, 6(1), pp. 99–121.
- Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11(2), pp. 181–199.
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Institucionalizaciya regional'noj administrativnoj elity: bassejn rekrutirovaniya i kar'ernye traektorii [Institutionalization of the regional administrative elite: recruitment pool and career trajectories], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(2), pp. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>. EDN NATXQO. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: State University Higher School of Economics, 2017. 416 p. (In Russian)

Duka A. V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nyh politiko-administrativnyh el [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1), pp. 66-99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI. (In Russian)

Endruweit G. *Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse*. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986. iv+502 S.

Farmer K. *The Soviet Administrative Elite*. New York: Praeger Publishers, 1992. xii+296 p.

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoy evolyucii* [Political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. EDN QOFXIN. (In Russian)

Hayek F. *Kapitalizm i istoriki* [Capitalism and historians]. Chelyabinsk: Socityum, 2012. 398 p. (In Russian)

Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossijskoj elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov-M, 2005. 384 p. (In Russian).

Merridale C. *Der Kreml: Eine neue Geschichte Russlands*. Frankfurt am Main: Fischer, 2014. 624 S.

Mills C.R. *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1959. 543 p. (In Russian)

Monina E.S., Meshcheryakova Y.V., Sharkevich I.V. Evolyucionno-strukturnyj analiz mezhotraslevykh proporcij v ekonomike Astrahanskoj i Volgogradskoj oblastej za 1998-2016 gg. [Evolutionary-structural analysis of intersectoral proportions in the economy of the Astrakhan and Volgograd regions for 1998-2016]. *Vestnik AGTU. Ser. «Ekonomika»* [Bulletin of ASTU. Ser. "Economics"], 2018, 2, pp. 37-44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. EDN URBDNE. (In Russian).

Pareto V. *Kompendium po obshchej sociologii* [Compendium on general sociology]. 2nd ed. Moscow: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russian).

Pokatov D.V. Etnokraticeskaya elita v strukture elitnyh grupp sovremennogo rossijskogo obshchestva [Ethnocratic elite in the structure of elite groups of modern Russian society], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Ser. Ser. Sociology. Politlogy], 2021, 21(2), pp. 138-142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>. EDN DQOFTW. (In Russian)

Pokatov D.V. *Politicheseskaya regional'naya elita: sociologicheskij rakurs transformacionnoj dinamiki* [Political regional elite: sociological perspective of transformation dynamics]. Moscow: IPC "Mask", 2017. 164 p. (In Russian).

Seltser D. G. Rekrutirovanie lokal'noj administrativnoj elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruitment of the local

administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro nunc*, 2017, 2, pp. 27–32. EDN LHKKNJ. (In Russian)

Shentyakova A.V. Pronicaemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu [Permeability of recruitment channels into the political elite]. *Vestnik SPbGU, Ser. 6*. [Vestnik of St. Petersburg State University, Series 6], 2015, 3, pp. 46–56. EDN UXWWYD. (In Russian)

Zinoviev A.A. *Na puti k sverhobshchestvu* [On the way to supersociety]. Moscow: Neva Publishing House, 2004. 608 p. (In Russian)